

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК ПРЕСТУПНЫЙ. ЭТИОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	6
НОВЕЙШИЕ УСПЕХИ В НАУКЕ О ПРЕСТУПНИКЕ.....	135
Глава 1. Морфологические аномалии	148
Глава 2. Отправления у преступников и прочее	166
Глава 3. Общие свойства. Патология преступного человека.....	174
Глава 4. Эпилептики и преступники	178
Глава 5. Преступники в тюрьмах.....	192
Глава 6. Политические преступления, детоубийство и прочее	207
Глава 7. Конгрессы, журналы, антропоюридические общества	213
ПРЕСТУПНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ.....	231
I. Преступность самок в царстве животных	231
II. Женская преступность у диких и примитивных народов.....	236
ВРОЖДЕННЫЕ ПРЕСТУПНИЦЫ	249
СЛУЧАЙНЫЕ ПРЕСТУПНИЦЫ	290
ПРЕСТУПНИЦЫ ПО СТРАСТИ.....	307
САМОУБИЙЦЫ	325

ЧЕЛОВЕК ПРЕСТУПНЫЙ. ЭТИОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Глава 1

*Метеорические и климатические влияния. —
Времена года. — Месяцы. —
Высокие температуры*

Всякое преступление имеет в происхождении своем множество причин, и так как причины эти очень часто сливаются одна с другой, то нам нет надобности рассматривать их каждую в отдельности. Мы можем поступить здесь точно так же, как во всех тех случаях, когда нам невозможно выделить одну какую-нибудь причину известных явлений, без того чтобы не затронуть вместе с тем и другие. Каждый знает, что холера, тиф, туберкулез обуславливаются особыми специфическими причинами, но никто не станет, однако, утверждать, что метеорические, гигиенические, индивидуальные и психические причины не имеют никакого влияния на эти болезни. Даже самые ученые наблюдатели остаются иной раз в неведении относительно истинных, специфических причин тех или других явлений.

1. Крайние температуры. Самыми важными причинами всякого биологического явления считаются метеорические, и между ними на первом плане стоит теплота. Так, например, *drosera rotundifolia*, погруженная в воду 43°, сгибается и становится более чувствительной к действию азотистых веществ (*Darurie*, насекомоядные растения), но при очень высокой температуре в 54°4' она не сгибается, щупальца ее как бы парализуются и остаются таковыми, до тех пор пока *drosera* не будет снова погружена в более холодную воду.

Статистика и физиология человека доказывают, что большинство наших отправлений находится в зависимости от те-

плоты. Понятно отсюда, каково должно быть влияние крайних степеней ее на психику человека.

История не может указать ни на одну такую тропическую страну, где народ не был бы повергнут в рабство и где чрезмерная теплота не была бы причиной перепродукции, сказывающейся прежде всего в неправильном распределении богатств, а затем политической и общественной власти.

В жарком климате народ играет обыкновенно ничтожную роль в общественной жизни своей страны: он не располагает ни правом контроля, ни правом вмешательства в дела управления.

Бокль объясняет это меньшей сопротивляемостью и стойкостью жителя тропических стран в борьбе за свое существование благодаря его меньшей потребности в топливе, одежде и пище. В силу таких более легких условий существования человек неминуемо становится бездеятельным, инертным. Инертность его и вялость, вызванные чрезмерной теплотой, благоприятствуют физической неподвижности, покойному, созерцательному настроению духа, особому развитию силы воображения, а отсюда — религиозному и деспотическому фанатизму и нравственной испорченности.

В холодных странах жизненная стойкость человека значительно больше благодаря той деятельности, которую он должен развить, для того чтобы добыть себе пищу, одежду и топливо. Но зато здесь сильный холод делает воображение ленивым, а ум — более спокойным, и человек, пополняя недостаток тепла огромным количеством углеводов, заключающихся в его пище, расходует свои силы в ущерб частной и общественной деятельности. В силу этого и благодаря депрессивному влиянию, оказываемому холодом непосредственно на нервные центры, и объясняется замечательное спокойствие и кротость характера жителей полярных стран. Доктор Ринк описывает некоторые эскимосские племена до того миролюбивые, что на их языке нет даже слов для выражения брани и ругательств: самой большой реакцией на обиду и оскорбления является у них молчание. Лари наблюдал солдат, которых морозы и снега России сделали слабыми и даже трусливыми, между тем как

ни опасности, ни полученные раны, ни голод не могли поколебать их мужества.

Бове свидетельствует, что у племени чиуки, живущих под 80° северной широты, совершенно неизвестны ссоры, насилия и преступления.

Прейер, неустрашимый полярный исследователь, рассказывает, что воля его была парализована, чувства притуплены, а речь затруднена, когда он находился под 80° северной широты.

2. Влияние умеренной температуры. Умеренная теплота оказывает наибольшее влияние на происхождение преступлений. Факт этот подтверждается наблюдениями над психологией жителей южных стран и доказывает их непостоянство и преобладание одной личности над обществом и целым государством. Объясняется это, несомненно, с одной стороны, тем, что теплота возбуждает, подобно алкоголю, нервные центры, не делая, однако, человека инертным, а с другой — она уменьшает его нужды путем увеличения производительности земли и ограничения его потребности в пище, одежде и спиртных напитках. На пармском наречии у простонародья солнце недаром называется отцом плохо одетых.

Доде, написавший целый роман («Нума Руместан») с целью изобразить огромное влияние южного климата на наши нравственные наклонности, говорит: «Южанин не любит спиртных напитков; он чувствует себя пьяным от рождения: солнце и воздух есть для него страшный естественный алкоголь, силу которого испытывает на себе всякий, кто родился под южным небом. У одних действие его сказывается только некоторой развязностью речи и жестов, излишней смелостью, склонностью видеть все в розовом свете и некоторой лживостью; у других оно выражается настоящим безумием, нередко доходящим до полного ослепления. Какой южанин не чувствовал в себе мгновенного упадка сил и крайнего изнеможения после припадка гнева или энтузиазма?».

Нерри Танфуцио замечает, что непостоянство есть одна из отличительных черт характера всякого южного народа. «Их, — говорит он о южанах, — можно было бы принять за наивных

людей, но на самом деле они большей частью ловкие плуты; они в одно и то же время трудолюбивы и ленивы, умеренны и невоздержанны; в общем, характер их, разумеется в простом народе, представляется до того разнообразным и изменчивым, что определить его точно невозможно».

«Климат способствует потере стыдливости».

«Южане плодовиты; их несколько не смущает мысль о будущности их детей».

«Лаццароне ворует только тогда, когда при этом не нужно бежать; он хвастлив и врет в девяти из десяти случаев. Во время ссоры он жестикулирует и кричит, чтобы прогнать свой собственный страх; пускать руки в ход он не любит, но раз дело доходит до этого, он становится ужасным».

«Южанин ревнив и бьет жену, если сомневается в ее верности, он независим и потому не любит больниц и иных убежищ».

Имея работу, он исполняет ее хорошо. Он очень привязан к своей семье, довольствуется малым и ведет трезвый образ жизни».

«Лаццароне по природе своей хитры, трусливы и лживы; вся жизнь их есть ряд мелких обманов и попрошайств. Из-за ничтожной подачки они готовы лизать ваши ноги, не чувствуя при этом никакого унижения».

Они очень суеверны: при встрече с горбатым или слепым они произносят особые заклинания. Все их мысли сводятся к дьяволу, колдовству, *ietta-tuga*^{*}, к чести, ножу, воровству, нарядам и тому подобное.

Простой народ боится и в то же время уважает ее, зная, что она защищает его и что от нее он может ожидать нечто, похожее на справедливость».

3. Преступления и времена года. Отсюда понятно, какое огромное влияние оказывает теплота на многие преступления. По статистике Герри оказывается, что в Англии и во Франции убийства и изнасилования преобладают в жаркие месяцы. К таким же результатам относительно Италии пришел и Курчо. По его исследованиям:

^{*} Сглаз, порча (*um.*).

Из 100 случаев изнасилований	В Англии (1834–1856)	Во Франции (1829–1860)	В Италии (1869)
На январь	5,25	5,29	26 в общ.
На февраль	7,39	5,67	22
На март	7,75	6,39	16
На апрель	9,21	8,98	28
На май	9,24	10,91	29
На июнь	10,75	12,88	29
На июль	10,46	12,95	37
На август	10,52	11,52	35
На сентябрь	10,29	8,77	29
На октябрь	8,18	6,71	14
На ноябрь	5,91	5,16	12
На декабрь	3,08	4,97	15

По исследованиям Герри и Курчо максимум убийств в Англии и Италии наблюдается в течение жарких месяцев, и распределяются они следующим образом:

Месяц	В Англии	В Италии
Июль	1043	307
Июнь	1071	301
Август	928	343
Май	842	288
Февраль	701	254
Март	681	273
Декабрь	605	237

Отравления, по наблюдениям Герри, преобладают в мае. То же самое можно сказать и о политических преступлениях. Рассматривая в своей «Политической преступности» 836 восстаний, имевших место на всем земном шаре с 1791 по 1880 год, я пришел к заключению, что максимум их в Азии и Африке всегда наблюдался в июле (13 из 53).

Что касается Европы, то в ней наибольшее их число приходится также на июль, а в Америке — на январь, каковые меся-

цы считаются здесь и там самыми теплыми, минимум же восстаний наблюдается в январе и декабре в Европе и в мае и июне в Америке, то есть в наиболее холодные месяцы.

Если мы теперь обратимся, в частности, к отдельным народам Европы, то убедимся, что более всего политических преступлений приходится у каждого из них на наиболее теплые месяцы. Так, в Италии, Испании, Португалии и Франции первое место в этом отношении занимает июль, в Германии, Турции, Англии и Шотландии — август, в Греции, Ирландии, Швеции, Норвегии и Дании — март, в Швейцарии — январь, в Бельгии и Нидерландах — сентябрь, в России и Польше — апрель и, наконец, в Боснии, Герцеговине, Сербии и Болгарии — май. Отсюда видно, что влияние теплых месяцев особенно резко сказывается именно в южных странах.

4. Времена года. Собрав данные о политических преступлениях в Европе в течение 100 лет, мы находим, что по временам года они распределяются следующим образом:

	Испания	Италия	Португалия	Турция	Греция	Франция	Бельгия	Швейцария
Весна	23	27	7	9	16	16	7	6
Лето	38	29	12	11	7	20	8	5
Осень	18	14	4	5	3	15	6	3
Зима	20	18	6	3	3	10	2	10

Отсюда видно, что у 9 народов, а между ними особенно у южных, первое место в этом отношении занимает лето. У 4 других, преимущественно северных, — весна. В одной стране (Австро-Венгрия) первенство принадлежит осени, а в другой (Швейцария) — зиме. За исключением двух случаев, весной всегда бывает больше политических преступлений, чем осенью. Кроме того, мы находим, что в 5 случаях, главным образом в странах наиболее теплых, зима превосходила осень по

числу политических преступлений, в 8 случаях — уступала ей и в 3 — была равна.

Что касается Америки, особенно Южной, то, принимая во внимание, что здесь январь соответствует нашему июлю, а февраль — августу (см. выше), мы найдем следующие цифры:

Время года	Америка	Европа
Весна	76	142
Лето	92	167
Осень	54	94
Зима	61	92

Итак, мы видим, что в обоих полушариях лето занимает первое место по числу политических преступлений; весна, как и относительно обыкновенных преступлений, всегда превосходит осень и зиму, вероятно благодаря своей теплоте и уменьшению количества пищевых средств. Осень и зима, напротив, мало отличаются в этом отношении друг от друга: так, в Америке зима превосходит осень на 7, а в Европе меньше ее на 2 подобных преступления.

Что касается других преступлений, то, по исследованиям Герри, перевес и здесь также замечается на стороне лета и весны, как это видно из следующих цифр:

Преступления против личности:

Время года	В Англии	Во Франции
Зимой	17,72	15,93
Весной	26,20	26
Летом	31,70	37,31
Осенью	24,38	20,60

Бенуастон де Шатенеф отмечает наибольшее число дуэлей в армии в течение лета.

Я доказал то же самое относительно гениальных творений.

5. Теплые годы. Ферри на основании французской уголовной статистики за период с 1825 по 1878 год приходит к заклю-

чению, что между теплотой и преступлениями наблюдается известная параллельность не только по месяцам, но и по годам.

Влияние температуры в период с 1825 по 1848 год нам кажется даже более резко выраженным и постоянным, чем влияние земледельческой производительности. С 1848 года, если не считать несколько тяжелых земледельческих и политических кризисов, замечается время от времени совпадение между колебанием температуры и преступлениями, особенно в отношении предумышленных и случайных убийств, как это наблюдалось в следующие годы: 1826, 1829, 1831–1832, 1833, 1842–1843, 1844–1845, 1846, 1858, 1865 и 1867–1868. Подобное же совпадение, но в более резкой и очевидной степени имеет место в отношении изнасилований и преступлений против чести, которые более точно следуют за годовыми температурными колебаниями.

Что касается преступлений против собственности, то по частоте их первое место занимает зима; например, кражи и подлоги наблюдаются преимущественно в январе, хотя прочие времена года немногим отличаются от нее.

Здесь метеорическое влияние очень сильно: потребности увеличиваются, между тем как средства к удовлетворению их уменьшаются.

6. Календари преступников. Лакассань, Шоссино и Мори составили на основании статистических данных по каждому преступлению в отдельности настоящие календари преступников по образцу тех, которые существуют для флоры у ботаников.

Оказывается, что среди преступлений против личности детоубийство занимает первое место в январе, феврале, марте и апреле (647, 750, 783, 662); это соответствует, с одной стороны, большому числу рождений, которые имеют место весной, уменьшаясь в мае, и особенно в июне и в июле, и опять увеличиваясь в ноябре и декабре (время карнавала); а с другой — увеличению числа незаконных рождений (1100, 1131, 1095, 1134) и выкидышей.

Случайные убийства и причинение повреждений достигают своего максимума в июле (716); отцеубийства, напротив, встречаются чаще всего в январе и октябре.

В течение июня влияние температуры на число растений детей сказывается с наибольшей силой; за ним следуют май, июль и август (2671, 2175, 2459, 2238); минимум наблюдается в декабре (993) и несколько больше в остальные холодные месяцы. Ежемесячная средняя достигает 1684. Изнасилования взрослых имеют другое колебание: их максимум приходится на июль (1078), а минимум — на ноябрь (534); они учащаются в декабре и январе (584) (благодаря, как я думаю, карнавалу), остаются на неподвижной точке в феврале (616) и снова поднимаются в марте и мае (904). Месячная средняя цифра их достигает 698.

Увечья имеют неправильное движение, так как они мало зависят от климата. Число их нарастает в феврале (937), падает в последующие месяцы (840–467), опять поднимается в мае (983) и июне (958), уменьшается в июле (919), а в августе и сентябре увеличивается (997 и 993), чтобы вновь уменьшиться в ноябре и декабре (886).

В преступлениях против собственности не замечается таких резких колебаний, хотя и среди них существует разница более чем в 3000 между декабрем и январем (16 879 и 16 396), и вообще в холодные месяцы, и падение в апреле (13 491) и теплые месяцы. Очевидно, здесь все зависит не от прямого влияния холода, а от увеличения потребностей зимой и от уменьшения возможности удовлетворять их, благодаря чему учащаются случаи воровства. (Месячная средняя их 14 630).

Теперь займемся любопытными выводами Мори, сделанными на основании ежемесячных наблюдений Герри.

В марте абсолютное первое место занимают детоубийства. На 10 тысяч преступлений приходится 1193 случая. За ними следуют: изнасилования — 1115, подмена детей — 1019 и похищение несовершеннолетних — 1054. Третье место занимают письменные угрозы — 997.

В мае первое место занимает бродяжничество — 1257; за ним идут: изнасилования и преступления против чести — 1150, отравления — 1144 и растление несовершеннолетних — 1106. Последняя категория преступления с 35-го места, какое оно занимает в марте, поднимается внезапно благодаря майской те-

плоте до 4-го; в апреле оно занимает уже 10-е, но в июне оно снова поднимается до 2-го места, выражаясь цифрой 1303.

В июне первое место по частоте занимает аналогичное преступление, именно изнасилование взрослых — 1313; третье место принадлежит отцеубийству — 1151, а четвертое — выкидышам — 1080.

В июле растление детей становится наиболее частым преступлением, поднимаясь до 1330; следующие за ним по частоте преступления: похищение детей — 1118, причинение повреждений родным — 1100 и преступления против женской чести — 1093.

В августе преступления полового характера отходят на третий план и уступают свое место деревенским поджогам. Конечно, причиной последних является не температура, а случай, именно оконченный сбор посевов, благоприятствующий приведению в исполнение различных планов мести. Но высокая температура этого месяца не остается, как справедливо замечает, Мори, совершенно без влияния на преступления подобного характера, и, вероятно, ею объясняется тот факт, что ложные свидетельства уступают по частоте подкупу малолетних.

В сентябре животные страсти успокаиваются и покушения на невинность детей занимают 15-е место, а на целомудрие женщин — даже 25-е место в ряду других преступлений. Зато кражи и злоупотребления чужим доверием становятся на 4-е место.

Лихоимство и склонение к разврату в сентябре и октябре превалируют над другими преступлениями, что объясняется обычными в это время платежами и сведением счетов.

Многочисленные подмены детей соответствуют огромному числу рождений.

С октября до января наиболее часты предумышленные убийства, отцеубийства и разбои благодаря пустынности дорог и длинным ночам.

В ноябре опять учащаются подлоги и преступления против нравственности.

В январе чаще всего встречаются сбыт фальшивых монет и кражи в церквях, чему, вероятно, способствует постоянная пасмурная погода.

В феврале опять начинают преобладать детоубийства и подмена детей, каковые преступления находятся в связи с возрастанием числа беременностей.

Преступления против нравственности занимают в октябре 28-е, а покушения на целомудрие женщин — 29-е место, в ноябре они опускаются до 24-го и 26-го места.

Мне кажется, невозможно более сомневаться во влиянии теплого климата на преступления, совершаемые под влиянием страсти. За это говорят, с одной стороны, изученные мной статистические данные пяти итальянских тюрем (Анконы, Алесандрии, Оменьи, Генуи и Милана. Преступления, за которые было осуждено большинство заключенных, были: тяжкое неповиновение, поборы и насилия над лицами), сообщенные мне г-ном Кардоном, а с другой — пятилетние наблюдения д-ра Вирлио над заключенными в тюрьме в Аверзе. Я пришел к заключению, что наказания за разного рода насилия значительно чаще встречаются в теплые месяцы.

7. Влияние чрезмерно высоких температур. Что касается чрезмерно высокой температуры, то влияние ее, особенно в соединении с влажностью воздуха, не особенно значительно. Действительно, Корр наблюдал, что преступления против личности среди креолов в Гваделупе остаются на минимальных цифрах при поднятии температуры до максимума и, наоборот, очень часты при понижении температуры.

Мы имеем здесь, стало быть, дело с явлением обратного характера, наблюдаемым также при влиянии очень высоких температур на политические преступления: благодаря чрезмерной влажной теплоте последние уменьшаются, в то время как под влиянием незначительного холода, напротив, учащаются.

В холодное время года среди креолов наблюдалось 53 преступления против собственности, а в теплое — 71 преступление против личности и 51 — против собственности.

Относительно преступлений против личности Корр отмечает в июне наибольшую цифру, а в январе — наименьшую.

8. Другие метеорологические влияния. Директора тюрем подметили то общее явление, что заключенные обнаруживают обыкновенно наибольшее возбуждение перед наступлением

гроз и в период первой четверти луны. У меня лично нет достаточных данных, чтобы судить об этом. Но ввиду того, что душевнобольные, которые во многом сходны с преступниками, очень чувствительны к температурным и барометрическим колебаниям и фазам луны, очень возможно, что это свойственно также и преступникам.

Однако одно обстоятельство убедило меня, что, помимо метеорических влияний, преступления зависят еще и от известных органических условий, а именно: следя в течение многих лет изо дня в день за количеством преступников, заключенных в тюрьмы Турина, я подметил, что в одни и те же дни поступает всегда довольно много — до 10–15 лиц, страдающих грыжами или же асимметриями органов, блондинов или брюнетов, нередко происходящих даже из различных стран. Явление это наблюдалось постоянно в одни и те же дни недели, в течение которой температура оставалась вообще более или менее одинаковой.

Экономические и политические условия последнего времени совершенно ослабили и отодвинули на задний план влияния метеорические. Так, во Франции с каждым годом все уменьшается связь между средней теплотой и политическими преступлениями, которая так ясно выступала в прежние времена. В силу этого же в северных странах, в которых преступления составляли некогда большую редкость, они начали чаще наблюдаться в течение последних лет, несмотря на то что климатические условия их нисколько не изменились. Однако при всем том нельзя, конечно, совершенно отрицать здесь значение и метеорических влияний.

9. Преступления в теплых странах. Термический фактор имеет преобладающее, но не исключительное влияние на географическое распределение уголовных и политических преступлений.

В южных областях Франции и Италии наблюдается больше преступлений против личности, чем в северных и центральных. К этому мы еще вернемся, говоря о каморре и морском разбое. Герри доказал, что во Франции преступления против личности вдвое чаще на юге (4,9), чем на севере (2,7) и в центре

(2,8). Зато преступления против собственности чаще на севере (4,9), чем на юге и в центре (2,3).

В Северной Италии, в Лигурии, исключительно благодаря ее более мягкому климату сравнительно с прочими областями, наблюдается большее число преступлений против личности.

Максимум раскрытых в 1875–1884 годах преступлений дал Лацио, а после него острова; минимум же наблюдался на севере, причем цифры их, приходившиеся на каждые 100 тысяч жителей, суть следующие: в Пьемонте — 512, в Ломбардии — 689, в Калабрии — 1287, в Сардинии — 1293 и, наконец, в Лацио — 1537. Наибольшее число убийств наблюдается исключительно на юге и на островах.

Хольцендорф полагает, что число убийств в южных штатах Северной Америки в 15 раз превосходит количество их в северных. Равным образом и в Северной Англии приходится 1 убийство на 66 тысяч жителей, а в Южной от 1 до 4 на 6 тысяч. В Техасе, по словам Редфилда, в течение 15 лет было 7000 убийств на 818 тысяч населения.

Исследуя распределение простых и квалифицированных убийств в Европе, мы находим наибольшее число их в Италии и других южных странах, а наименьшее — в северных государствах, как, например, в Англии, Дании, Германии. То же самое следует сказать и о распределении политических преступлений во всей Европе. Мы убеждаемся, что число этого рода преступлений растет по мере того, как мы от севера приближаемся к югу, сообразно тому, как нарастает постепенно температура. Так, например, в Греции приходится 95 политических преступлений на 10 миллионов населения, то есть максимум, в России — 0,8, то есть минимум. Наименьшие цифры наблюдаются вообще в северных странах: в Англии и Шотландии, Германии, Польше, Швеции, Норвегии и Дании; наибольшие в южных — в Португалии, Испании, Европейской Турции, Южной и Средней Италии и средние — в центральных областях.

Рассматривая отдельно Италию, мы видим, что в северной части ее приходится 27 политических преступлений на 10 миллионов жителей, в средней — 32 и в южной — 33 (17 из этого числа приходится на острова Сардинию, Корсику и Сицилию).

Подтверждение только что сказанному об уголовных и политических преступлениях мы находим в «Статистике преступности в Италии за 10 лет», опубликованной Бодио, и в «Статистике преступлений в Испании за 1884 г.», обнародованной испанским министром юстиции (Мадрид, 1885).

С другой стороны, в Испании квалифицированные кражи наблюдаются в такой же пропорции в северных провинциях — в городах Сантандере, Леоне,— в какой в южных, в Кадисе, и в центральных — в Бадахосе, Касересе и Саламанке, — ибо они зависят меньше от климата, чем от разного рода случайных причин. Поэтому же детоубийства и отцеубийства чаще встречаются в центральных провинциях (где расположена и столица) и в северных. То же следует сказать и об Италии, Франции и вообще обо всей Европе. В Италии, согласно наблюдениям Ферри, влияние теплого климата обнаруживается на числе простых убийств во всей южной части ее и на островах, исключая Сардинию, и на квалифицированных — в Сардинии и Форли. Точно так же и преднамеренные убийства равномерно увеличиваются в Южной Италии и на островах, кроме тех местностей, в которых преобладает греческий элемент населения, а именно провинций Апулия, Катания, Мессина и др.

Намеренно причиненные увечья также увеличиваются согласно тому же закону, кроме Сардинии, где они уменьшаются. В Лигурии они также очень часты.

Аналогичное движение имеют и отцеубийства, которые наблюдаются преимущественно в Южной Италии и на островах, кроме местностей, заселенных греками; они не реже и в центре Пьемонта.

Отравления преобладают на островах и в Калабрии, но здесь они не находятся в очевидной зависимости от влияния климата.

Детоубийства очень часты в Калабрии и Сардинии, но не менее этого и в Абруццо и Пьемонте, так что они, по-видимому, также не подчиняются влиянию климата.

Грабежи, соединенные с убийствами, в силу этого же преобладают в Пьемонте, Массе и Порте-Маврикия, точно так же, как и на окраинах Италии и на островах. Квалифицированные

кражи, столь частые в Сардинии, Калабрии и Риме, наблюдаются не реже в Венеции, Ферраре, Ровиго, Падуе и Болонье, почти совершенно не зависят от влияния климата.

То же наблюдается и во Франции, где преднамеренные и случайные убийства свирепствуют особенно на юге, кроме нескольких исключений, объясняющихся этническими особенностями.

Отцеубийства и детоубийства, напротив, распространены более на севере, причем количество их несколько не объясняется влиянием климата, но зависит исключительно от чисто случайных причин.

Глава 2

Влияние гор на преступления. — Геология. — Области распространения зоба, болотистых лихорадок и прочего

1. Геология. Мои прежние исследования уже убедили меня, что геологические условия имеют весьма мало влияния на политические преступления.

Что касается распределения во Франции преступлений против личности, то мы за 54-летний период нашли:

- 21% в департаментах преимущественно с почвой горской и меловой форм
- 19% гранистой
- 22% глинистой
- 21% аллювиальной

Те же цифры с ничтожными изменениями наблюдаются и для преступлений против собственности.

2. Орография. Изучая отношение орографии к числу преступлений против личности, наблюдающихся во Франции в течение 54 лет, мы нашли, что:

- минимальная пропорция их в 20% приходится на ровные департаменты
- средняя — 33% — холмистые

- максимальная — 35% — гористые.

Это, несомненно, объясняется тем, что горы дают возможность легче устраивать засады и скрываться и что население их отличается более решительным и энергичным характером.

Изнасилования, достигающие в гористых местностях 35% и в холмистых 33% общего числа преступлений, гораздо более многочисленны на равнинах, где они доходят до 70%, благодаря тому что население более скученно и многочисленно вследствие обилия больших городов.

То же можно сказать о преступлениях против собственности, которые, в противоположность преступлениям против личности, достигают на равнинах 50%, а в холмистых и гористых местностях уменьшаются до 47 и 43%.

В Италии орографическое влияние на преступления не выступает, однако, так резко. Максимум свыше 201 преступления на 100 тысяч жителей наблюдается в равнине р. По (на севере Италии), в Болонье, Ферраре, Венеции, Калабрии, которые все отличаются гористостью почвы, и в провинции Ливорно.

3. Болотные лихорадки. Изучая области Италии, в которых сильнее всего свирепствует малярия, дающая в них смертность от 5 до 8 человек на 1000 жителей, такие как Гроссето, Феррара, Венеция, Крема, Верчелли, Новара, Ланчиано, Васто, Сан-Северо, Катанзаро, Лечче, Фоджа, Террачина и Сардиния, мы убеждаемся, что интенсивность этой болезни совпадает с наибольшим числом преступлений против собственности только в пяти из этих местностей, а именно в Гроссето, Ферраре, Сардинии, Лечче и в Риме.

Между убийствами и болотной лихорадкой нет, по-видимому, никакой связи. Напротив, в Южной Сардинии, где малярия особенно сильно распространена, наблюдается даже меньше этих преступлений, чем в Северной. Это относится и к преступлениям против нравственности. Равным образом и во Франции, в местностях, где более господствует болотная лихорадка, как в департаментах Морбиан, Ланды, Луар и Шер, Эна, наблюдается меньше всего убийств и изнасилований.

4. Местности, где распространен зоб. Крупные центры распространения в Италии зоба и кретинизма, оказывающих такое

огромное влияние на гигиену и интеллигентность жителей, как Сондрио, Аоста, Новара, Кунио и Павия, почти нисколько не влияют на количество преступлений. Убийства, случаи воровства и преступления против нравственности везде в них даже ниже обычной средней.

То же следует сказать и о Франции. Здесь, с одной стороны, в департаментах Верхние и Нижние Альпы и Восточные Пиренеи число страдающих зобом довольно значительно, между тем как убийц насчитывается 9,76 на 1 миллион жителей. С другой стороны, в департаментах Лозер, Арьеж, Савойя, Ду, Пюиде-Дом, Эна и Верхняя Вьенна зоб также распространен, а между тем число убийств падает до 1,0–5,7 на 1 миллион жителей. Точно так же и преступления против собственности слабо распространены всюду, где господствует зоб, исключая такие местности, как департаменты Ду, Вогезы и Арденны.

Достойно примечания то обстоятельство, что почти во всех странах сильного распространения зоба (Бергамо, Сондрио, Аоста) преступления отличаются обыкновенно чрезвычайно жестоким характером и часто связаны бывают с похотливостью, но, для того чтобы ближе изучить это явление, следует ознакомиться с распространением преступлений по отдельным округам.

5. Смертность. Из 23 департаментов Франции, смертность в которых незначительна, 7, то есть 30%, превосходят обычную среднюю по числу наблюдаемых в них убийств, а именно департаменты Ло и Гаронна, Эна, Марна, Кот-д'Ор, Эро, Верхняя Сона и Об, в которых средняя цифра убийств достигает 13,9%.

Из 18 других департаментов со средней смертностью 6, то есть 23%, точно так же превосходят среднюю цифру убийств, а именно департаменты Эндр и Луара, Об, Нижние Пиренеи, Эро, Ду, Сена и Уаза и Вогезы. Общая средняя наблюдаемых в этих 18 департаментах убийств достигает 15,4, то есть немногим разнится от средней предыдущих департаментов.

Из 25 департаментов с максимальной смертностью 7, то есть 28%, значительно превосходят среднюю цифру убийств, а именно департаменты Нижние Альпы, Верхняя Луара, Сена, Нижняя Сена, Устье Роны, Корсика и Вар. Средняя цифра это-

го рода преступлений достигает в них 28%. Если откинуть последние два департамента, дающие особенно много убийств, то число последних понизится до 20%.

Что касается воровства, то из 24 департаментов с минимальной смертностью 14 превосходят среднюю цифру (90%), достигая 102,4. Из 18 же департаментов со средней смертностью ее превышают 7, имея среднюю цифру 91%, а из 25 департаментов с максимальной смертностью только 8, достигая средней — 105.

В общем, можно принять, что между смертностью и воровством нет никакого соотношения, между тем как между убийством и высокой смертностью есть постоянный параллелизм.

Глава 3

Влияние расы. — Честные дикари. — Центры преступности. — Семитическая раса. — Греки в Италии и во Франции. — Головной указатель. — Цвет волос. — Евреи. — Цыгане

1. Влияние расы. Мы уже видели раньше и убедимся еще более в этом впоследствии, какое смутное понятие существует у дикаря о преступлении, причем у первобытного человека мы предположили даже полное отсутствие всякого представления об этом. Тем не менее у многих диких племен существует своя особая нравственность, которой они придерживаются на свой особый манер. Соответственно этому у них есть и свои преступления, как нарушения этой нравственности. У американского племени урис уважение к чужой собственности так велико, что для ограждения ее достаточно обыкновенной нитки. Племена кориаки и мбайя наказывают убийство, совершенное в их племени, но не считают его преступлением, если убитый принадлежит к чужому племени. Само собой разумеется, что без подобного закона племя это не представляло бы собой связанного целого и легко могло бы быть уничтожено.

Вместе с такими племенами существуют другие, у которых отсутствуют даже эти относительные представления о нрав-

ственности. Так, в Африке рядом с честным и мирным племенем дикарей багнусов, занимающихся возделыванием риса, мы находим балантов, живущих исключительно охотой и грабежом. Они убивают тех, кто ворует в их деревнях, но сами тем не менее воруют у других племен. Лучшие воры пользуются у них большим уважением и хорошо оплачиваются, как учителя, преподающие детям уроки воровства; их нередко выбирают даже в начальники тех или других предприятий.

С ними очень сходны марокканские бени-гассаны, главное занятие которых также воровство. Племя это более или менее дисциплинировано, имеет своих начальников, свои законы, признаваемые правительством, которое пользуется ими для отыскивания похищенных вещей. Они разделяются на воров овса, лошадей, на тех, кто воруют на дорогах и в деревнях. Между ними есть особый класс конных воров, которые мчатся так быстро, что настигнуть их невозможно. Они влезают в хижины голыми, намазав свое тело мазью, или же прячутся в листву, чтобы не испугать лошадей. Начинают они воровать уже с восьмилетнего возраста.

В Индии существует племя зака-каиль, живущее, как и предыдущие, воровством. Когда у них рождается мальчик, они совершают над ним обряд, продевая его через отверстие, проделанное в стене, и произнося при этом три раза: «Будь вором!».

Напротив, курубары отличаются высокой честностью: они никогда не лгут и скорее умрут с голода, чем решатся на воровство. Поэтому их используют как сторожей при уборке хлеба и сборе плодов.

Спенсер также цитирует несколько племен, отличающихся своей честностью, как, например, тодосов, айно и бодосов. Они не любят войны и занимаются исключительно меновой торговлей. Они почти никогда не ссорятся между собой, в случае споров обращаются к своим начальникам и настолько добросовестны, что возвращают обратно половину из взятых в обмен товаров, если им покажется, что они получили слишком много. Им незнаком долг мести, они не проявляют никакой жестокости и относятся с уважением к женщинам и при всем том — удивительное дело — совсем не отличаются религиозностью.

Среди арабов (бедуинов) есть честные и трудолюбивые племена, но еще больше таких, которые славятся своим диким воинственным характером и склонностью к грабегам и воровству.

В Центральной Африке Стенли нашел как честных дикарей, так и тех, кто занимается разбоями и грабежами, как, например, зегесы. Среди готтентотов и кафров встречаются дикие, неспособные ни к какой работе индивиды: они живут трудами других, непрерывно перекочевывают с места на место и носят название фингасов у кафров и сонкасов у готтентотов.

Данные, которыми мы располагаем для выяснения степени этнического влияния на преступления в нашем цивилизованном мире, не отличаются положительностью. Мы знаем, например, что значительная часть лондонских воров — это ирландцы или уроженцы Ланкашира.

В России, по словам Анучина, большинство воров в столице оказывается родом преимущественно из Бессарабии, и сравнительно с другими край этот дает наибольший процент осужденных. Здесь можно наблюдать, как преступность переходит от семейства к семейству. В Германии местности, в которых находятся цыганские колонии, особенно изобилуют женщинами-воровками.

2. Центры преступности. Во всех областях Италии и почти в каждой провинции ее существуют такие местечки и деревни, которые пользуются репутацией родины разного рода преступников. Так, например, Лигурия, Леричи славятся своими мошенниками, а Кампофеддо и Масса — убийцами; Поццало известно своими разбойниками на больших дорогах; Луккская провинция Каппанори приобрела печальную известность своими наемными убийцами, а Пьемонт — своими полевыми ворами.

В Южной Италии Сора, Мельфи, равно как Партинико и Монреале в Сицилии, уже с шестидесятых годов стали известны своими разбоями.

Это преобладание того или другого вида преступления в известной местности объясняется, несомненно, расой, как история доказывает относительно некоторых из них. Так, мы

знаем, что Пергола и Пистоя были некогда населены цыганами, Масса — португальскими разбойниками и Кампофеддо — корсиканскими пиратами; еще и по настоящее время здесь говорят наполовину на корсиканском, наполовину на лигурийском наречии.

Но наибольшей известностью пользуется село Артена в Римской провинции, которое Сигеле описывает в следующих словах:

«Расположенное на возвышенной местности, в цветущей долине, в чудном климате, село это, где совершенно неизвестна нищета, могло бы стать счастливейшим и прелестнейшим уголком земного шара. Но на самом деле оно пользуется очень скверной репутацией, и жители его слывут в окрестностях ворами, разбойниками и убийцами. Эта печальная слава утвердилась за ними не со вчерашнего дня: уже в средневековых итальянских хрониках часто встречается название Артены, и вся история ее есть длинный ряд всевозможных преступлений».

«Итак, уголовная статистика Артены особенно богата увечьями и убийствами, число которых в 6 раз, и разбоями, количество которых в 30 раз больше средней этих преступлений для всей остальной Италии. Но даже и эти цифры дают только поверхностное понятие о жестокости и дикости ее жителей. Чтобы получить надлежащее представление об этом, следовало бы подробно описать все преступления их и рассказать, как там убивают среди белого дня на улицах и как душат свидетелей, которые осмеливаются говорить судьям правду!».

«Причины всего этого, по моему мнению, — говорит далее Сигеле, — кроются, прежде всего, в характере артенского населения, затем в притеснениях правителей, способствовавших развитию здесь разбоя и каморры, и, наконец, в неспособности властей находить и наказывать виновных благодаря молчанию подкупленных или запуганных свидетелей. Но больше всех перечисленных причин имеет значение наследственность».

Изучая судебные процессы, имевшие место в Артене с 1852 года, Сигеле постоянно наталкивался на одни и те же фамилии. Очевидно, сыновья следовали постоянно по пути преступления за своими отцами, как бы влекомые какой-то роко-

вой силой. Уже в 1555 году стала известна своими преступлениями Артена, называвшаяся в то время Монтефортино.

В 1557 году Павел IV велел истребить всех ее жителей, перебить их и разрушить их жилища, «чтобы уничтожить и самое гнездо этих негодяев».

Если принять во внимание, что в Сицилии разбой держится почти исключительно в приобретшей печальную славу долине Конка д'Оро, где некогда обитали хищные племена берберов и где анатомический тип, нравы и обычаи еще до сих пор сохранили арабский характер (описания Томмази-Круделли в достаточной степени свидетельствуют об этом: «Они умеренны, — говорит он про жителей Конка д'Оро, — терпеливы, настойчивы, легко доступны чувству дружбы, но имеют склонность достигать намеченной цели скрытно и молчаливо; они гостеприимны, но в то же время и хищны; низшие классы их отличаются суеверием, а высшие гордостью. Слово “malandrino” теряет в Сицилии свое истинное значение. Здесь говорят “я разбойник” так же свободно и просто, как если бы хотели сказать: “У меня в жилах кровь течет”. Донести на убийство — значит здесь поступить непорядочно»), если подумать о том, что здесь, как и у арабских племен, кража скота является наиболее частым преступлением, то легко убедиться, что все дело объясняется здесь наследственностью. Кровь некогда живших здесь диких, воинственных племен, гостеприимных и жестоких, суеверных, непостоянных, вечно беспокойных и не терпевших над собой никакой узды, должна была оказать огромное влияние на характер современных жителей Конка д'Оро, склонных к постоянным восстаниям и грабёжам. Подобно древним арабам они не делают разницы между политическим возмущением и грабёжом; последний не вызывает у них ни ужаса, ни отвращения, как у других, хоть и менее развитых, но более богатых арийской кровью племен той же Сицилии, Катании и Мессины. Рядом с этим следует отметить для контраста местность Лардерелло в Вольтерре, в которой в течение 60 лет не было совершено ни одного убийства, ни одной кражи, ни одного даже проступка.

Что раса является одним из самых могущественных факторов, влияющих на преступность жителей всех этих местностей,

тем более вероятно, что я наблюдал даже у многих из них, как, например, в Сан-Анджело и Сан-Пьетро, более высокий рост, чем у окрестного населения.

Точно так же и во Франции Фовель отметил особую расу преступников в целом ряду местечек, расположенных вдоль Арденнского леса. В местечках этих обычны всякие грабежи и насилия, против которых власти в большинстве случаев ничего не могут поделать. Иностранец, рискующий посетить эти места, неминуемо подвергается насилию со стороны не только мужчин, но и женщин; даже богатые здешние жители, в сущности, такие же дикари, хотя дикость их скрывается часто под маской вежливости. Сильно распространенный между ними алкоголизм еще более усиливает их дикость и варварство. Они не любят земледельческих работ, которым предпочитают работы на железных заводах, но любимым занятием их является контрабанда. Они выше среднего роста, мускулисты, с широкими и крепко развитыми нижними челюстями; у них прямые носы, резко выраженные надбровные дуги, сильно развитая и богатая пигментом растительность. Они сильно отличаются от своих светловолосых соседей, с которыми редко вступают в сношения.

3. Европа. В своем сочинении «Убийца» Ферри ясно доказывает этническое влияние на распределение убийств в Европе. По его словам, резче всего выражена склонность к убийству вообще и к квалифицированным убийствам в частности, равно как и к детоубийству, у немцев и латинян; точно так же у них чаще наблюдаются самоубийства и психические заболевания, причем последние особенно преобладают у первых.

4. Австрия. При всем том этническое влияние часто не может быть точно выражено при помощи цифр, потому что определение его основывается на уголовной статистике, которая представляет собой совокупность весьма сложных факторов, не дающих нам возможности делать из них определенные выводы. Так, например, минимум женской преступности наблюдается в Испании, Ломбардии, Дании, Воеводине и Гарце, а максимум — в австрийской Силезии и в прибалтийских губерниях России. Но здесь проявляется влияние нравов в большей сте-

пени, нежели расы, так как у тех народов, где женщины получают одинаковое с мужчинами образование, как в Силезии и в Прибалтийском крае, они принимают участие в жизненной борьбе наравне с ними, и потому преступность их приближается все более и более к мужской.

Тем же объясняется и сравнительно очень большая преступность, которая наблюдается повсюду среди юношеского возраста в заселенных немцами местностях Австрии, именно в Зальцбурге, сравнительно со славянским и итальянским населением Гарца, Тироля и Каринтии.

5. Италия. Изучая число простых убийств (с ранениями, последствием которых была смерть) и число квалифицированных убийств (с разбоями на больших дорогах, сопровождавшимися убийствами), имевших место в различных провинциях Италии в течение 1880–1883 годов, и сопоставляя их с данными относительно движения преступности в Италии 1873–1883 годов, мы находим следующее:

Число обнаруженных убийств на 1 миллион жителей:

Область Италии	Простые убийства	Квалифицированные убийства
Пьемонт (3 070 250)	47	34
Лигурия (892 373)	40	29
Ломбардия (3 680 615)	22	21
Венето (2 814 173)	34	25
Эмилия (1 806 817)	27	24
Романья (476 874)	103	76
Умбрия (572 060)	102	70
Марке (939 279)	94	53
Тоскана (2 208 869)	76	42
Лацио (903 472)	178	90
Абруццо (751 781)	174	76
Молизе (365 434)	286	104

Область Италии	Простые убийства	Квалифицированные убийства
Кампания (289 577)	217	81
Апулия (1 589 054)	117	46
Базиликата (524 504)	214	86
Калабрия (1 257 883)	246	104
Сицилия (2 927 901)	205	122
Сардиния (682 002)	122	167

Отсюда ясно, что очевидный перевес преступности наблюдается среди населения семитической (Сицилия, Сардиния, Калабрия) и латинской рас (Лацио, Абруццо) сравнительно с расами германскими, лигурийскими, кельтскими (Ломбардия, Лигурия, Пьемонт) и славянскими (Венето).

Действительно, кроме главнейших этнических особенностей, сообщенных населению Италии лигурийцами на севере, умбрами и этрусками в центре и осками на юге, кроме этнического влияния в Сицилии сикулов лигурийского происхождения, больше всего способствовали порче этнического характера различных итальянских областей германцы, кельты и славяне на севере, финикийцы, арабы, албанцы и греки на юге и на островах.

Африканским и восточным элементам (кроме греков) Италия обязана своими убийствами, столь многочисленными в Калабрии, Сицилии, Сардинии, между тем как отсутствие и редкость их следует приписать влиянию германских рас (Ломбардия).

Это ясно доказывается известными очагами, где преступления эти процветают в большей или меньшей степени и где они удивительным образом совпадают с этническими особенностями их населения.

Другим доказательством может служить Тоскана, где значительная редкость преступлений, наблюдаемых в Сиене (3,9 на 100 000 жителей), во Флоренции (4,3) и в Пизе (6,0), составляет резкий контраст с поразительной частотой их в Масса-Кар-

раре (8,3), в Гроссето (10,2), в Лукках (11,9) и особенно в Ареццо (13,4) и Ливорно (14,0).

Итак, помимо специальных условий жизни, создаваемых рудниками в Масса-Карраре и мареммами* в Гроссето, этническое влияние, по словам Ферри, неоспоримо сказывается также в Луккской провинции, которая отличается от Тосканы, между прочим, высоким ростом и долихоцефалией своего населения, часто наблюдаемыми также в Масса-Карраре, и особенной склонностью его к эмиграции. Я считал бы это остатком влияния древних диких лигурийцев, которые так часто возмущались против римского владычества. Но резче всего выступает этническое влияние в Ливорно, происхождение которого нам точно известно.

В XVI столетии Ливорно был небольшой деревушкой, расположенной в болотистой местности и насчитывавшей в 1551 году всего лишь 749 жителей. Первыми жителями его были либурны, племя иллирийского происхождения, изобретшие либурны** и сделавшиеся знаменитыми пиратами. К ним потом присоединились сарацины, евреи и марсельцы, а впоследствии сюда явились по приглашению Медичи разного рода авантюристы и пираты.

Ливорно за время с 1879 по 1883 год дал наибольшую во всей Италии пропорцию общего числа обнаруженных преступлений, а именно квалифицированных убийств и восстаний, равно как и квалифицированных краж.

Факт этот не может быть объяснен ни особенной плотностью здешнего населения, ибо последняя (355 человек на каждый квадратный километр) равна плотности населения в Милане (355) и значительно уступает в этом отношении Неаполю (1149), ни преобладанием городского населения над деревенским, составляющего здесь лишь 80% общего числа его, в то время как в Милане оно равно 92%, а в Неаполе даже 94%; тем

* Маремма — географическая область в итальянской области Тоскана, полоса низменных, ранее заболоченных участков на западном побережье Апеннинского полуострова.

** Либурна — военное судно Древнего Рима, распространенное с времен ранней Империи.

не менее здесь особенно часты восстания и квалифицированные кражи.

Другой чрезвычайно резкий контраст наблюдается в южной части Италии, где провинции со значительной интенсивностью убийств, как Кампобассо, Авелино, Козенца и Катандзаро, встречаются рядом с местностями, где частота их ничтожна, такими как Беневенто, Салерно, Бари и Лечче, и где она, наоборот, чрезвычайно высока, как в соседних провинциях Л'Акуила, Казерта, Потенца, Реджо и особенно в Неаполе.

В настоящее время трудно отрицать причинную связь между этническим влиянием албанских колоний и огромным числом кровавых преступлений в провинциях Козенца, Катандзаро и Кампобассо.

С другой стороны, ничтожная интенсивность этого рода преступлений в Реджо и особенно в провинции Апулия (Бари и Лечче) объясняется главным образом влиянием греческого элемента, если вспомнить древнюю Великую Грецию и греческие колонии, появившиеся во время и после византийского владычества.

«Еще и в настоящее время, — пишет Николуччи, — большинство здешних уроженцев напоминает собой греческий тип как по своей наружности, так и по мягкости характера». Сюда присоединяется еще этническое влияние господствовавших здесь некогда норманнов.

Что касается редкости простых убийств в Беневенто и Салерно, то при объяснении ее необходимо принять во внимание влияние лангобардского элемента, владычество которого было здесь столь продолжительно (герцогства Беневентское и Салернское). Именно оттого здешнее население местами не подчинилось ассимиляционному влиянию итальянцев и до наших дней сохранило некоторые черты своих предков (высокий рост, светлые волосы и др.), поражающие несходством с типичными итальянцами.

Различное влияние албанской, греческой и лангобардской крови на эти очаги преступности сказывается в распределении квалифицированных убийств и разбоев на больших дорогах, сопровождаемых убийствами. Действительно, если мы ис-

ключим Салерно и Реджо, дающих сравнительно высокие цифры этих преступлений, то убедимся, что в Неаполе, благодаря греческому влиянию, число убийств, несмотря на бедность и скученность его населения, очень невелико, не больше, чем в Бари и Лечче.

Сицилия также представляет собой поразительный пример этнического влияния на убийства. В восточных провинциях ее, Мессинской, Катанской и Сиракузской, наблюдается значительно меньше простых и квалифицированных убийств, чем в провинциях Кальтаниссетта, Агридженто, Трапани и Палермо.

Мы знаем именно, что жители Сицилии резко отличаются по своему характеру от населения соседней Италии, главным образом благодаря влиянию многочисленных северных народов (вандалов, норманнов, французов), покорявших ее и господствовавших здесь. В восточной части ее, некогда находившейся преимущественно под влиянием греков, наблюдается значительно меньше убийств (как и в провинции Апулия), между тем как южная и северная части ее благодаря господству в них сарацинов и албанцев, наоборот, отличаются значительной частотой их.

У Реклю мы читаем: «Ко времени осады Палермо норманнами (1071 год) население Сицилии говорило на пяти языках: арабском, древнееврейском, греческом, латинском и простом сицилийском. Господствующим из них даже при норманнах остался арабский. Позднее благодаря влиянию французов, немцев, испанцев и арагонцев сицилийцы начали все более и более отличаться от жителей Италии своей одеждой, нравами, обычаями и национальным духом. Разница эта становилась то большей, то меньшей, смотря по тому, какой из народов овладевал Сицилией. Вот почему население провинции Этны, несомненно происходящее от греков и никогда не смешивавшееся со славянскими народами, является по своему характеру добрым и кротким, между тем как жители Палермо, на которых больше всего влияли арабы, напротив, отличаются в общем суровостью и развращенностью».

Точно так же характерна и преступность Сардинии как при сравнении ее с преступностью Италии вообще и особенно Сицилии, так и вследствие постоянного контраста между север-

ной частью ее (провинция Сассари) и южной (провинция Кальяри). В этническом отношении Сардиния отличается от Сицилии, так как с глубокой древности и потом со времен владычества Карфагена «финикияне утвердились и господствовали в Сардинии дольше, чем в Сицилии». Даже и в наши дни черепа сардинцев еще сохранили отчасти тип финикийских черепов (долихоцефалию). Что же касается сарацинов, то они весьма недолго хозяйничали в Сардинии, памятниками чего остались всего лишь две колонии: Барбаричини (в провинции Сассари) и Мауредди (в провинции Кальяри).

Этой этнической разницей и объясняется, несомненно, с одной стороны, огромное количество преступлений против личности в Сицилии (кроме восточных провинций ее) и, с другой — обилие преступлений против собственности в Сардинии. Сравнивая между собой эти два острова, мы видим резкую разницу между ними в числе простых убийств и особенно ран и увечий.

Но если общая цифра квалифицированных убийств оказывается в Сицилии, благодаря восточным провинциям, несколько ниже, чем следовало бы ожидать, то зато число всех вообще преступлений против личности, считая в том числе простые и квалифицированные убийства, равно и разбои на больших дорогах, сопровождающиеся убийствами, все-таки в ней значительно выше, чем в Сардинии.

Напротив, по числу преступлений против собственности Сардиния сильно превосходит Сицилию, особенно количеством квалифицированных краж и преступлениями против нравственности, между тем как в преступлениях против собственности, совершаемых с помощью насилия, именно в разбоях, затем в вымогательствах и шантажах перевес остается на стороне Сицилии.

В самой Сардинии наблюдается разница даже между обеими провинциями Сассари и Кальяри как в типе жителей, так и в проявлении их экономико-социальной жизни.

На севере ее более развиты земледелие и промышленность, в то время как на юге процветает разработка рудников около Кальяри и т. д.

В этническом отношении провинция Кальяри находилась, как известно, под влиянием финикийян, а Сассари — испанцев (колония Альжера); этим и экономическими условиями объясняются большая частота квалифицированных краж, преступлений против добропорядочности в провинции Кальяри и огромное количество простых и квалифицированных убийств и разбоев на больших дорогах с убийствами в провинции Сассари.

Другим характерным примером этнического влияния может служить остров Корсика, который дает, как известно, максимальную для всей Франции цифру кровавых преступлений (кроме отравлений и детоубийств), между тем как число краж остается здесь очень незначительным.

Сравнивая между собой число лиц, осужденных за убийство в течение 1880–1883 годов на Корсике, с числом таких же осужденных в наиболее преступных областях Италии, мы получаем следующие данные:

Лица, судившиеся в 1880–1883 годах уголовными и исправительными судами (средняя на 100 тысяч жителей):

Преступления	Корсика	Сардиния	Сицилия	Молизе	Кампобас-со
Убийства и раны, последствием которых была смерть	11,2	8,6	14,3	21,5	19,1
Убийства и разбои на больших дорогах, сопровождавшиеся убийствами	9,5	19,8	9,6	9,0	5,2

Цифры эти свидетельствуют о том, что Корсика хотя и принадлежит в политическом отношении Франции, но по природе своих жителей и по характеру их преступности она является страной итальянской. По этому поводу и Реклю говорит следующее: «Из этих двух островов, Корсика и Сардиния, принадлежавших некогда к одному и тому же государству, более итальянской должна считаться по своему географическому по-

ложению и историческим традициям именно Корсика, составляющая теперь французское владение».

Таким образом, резкая разница, существующая между преступностью Корсики и Сардинии, объясняется этническими мотивами, подтверждающимися в большинстве случаев сходством между первым из этих островов и Сицилией. Мы знаем, что Сицилией дольше всех других народов владели не столько жадные, сколько хищные сарацины, имевшие огромное влияние и на Корсику. Известно, что «после древнейших обитателей ее (лигуров, иберов или сиканов, как их иногда называют) Корсикой владели фокийцы* и римляне, но особенно долго сарацины, господствовавшие здесь до XI столетия, после чего явились итальянцы и французы».

Таким образом, Корсика и Сицилия (а отчасти и Калабрия) обязаны сарацинам своими частыми убийствами и сравнительно незначительной преступностью против собственности.

6. Французские расы. Взгляда, брошенного на изображенное деление Франции по расам и преступлениям, достаточно, чтобы убедиться, что максимум кровавых преступлений соответствует лигурийской и галльской расам.

Но более подробные доказательства этнического влияния мы получим, изучая соответственно расам департаменты, превосходящие среднюю цифру убийств. Мы видим, что число последних последовательно увеличивается по мере того, как мы от департаментов, населенных потомками кимврийской расы (1 из 18, то есть 5,5%), переходим к департаментам с населением галльской расы (8 из 32, то есть 25%) и от рас иберийской (3 из 8, то есть 35%) и бельгийской (6 из 15, то есть 40%) приближаемся к расе лигурийской, где это влияние достигает своего абсолютного максимума (100%).

Что касается изнасилований, то число их увеличивается по мере перехода от департаментов с населением иберийской

* Фокида — в древности область в Средней Греции, граничившая на западе с Доридой и Озольской (западной) Локридой, на юге с Коринфским заливом, на востоке с Беотией и Опунтской Локридой, на севере с Эпикнемидской Локридой. В древнейшую пору греческой истории Фокида занимала большую территорию, доходя до Фермопил.

расы (2 из 8, то есть 25%) к расе кимврийской (6 из 18, то есть 35%) и от рас бельгийской (6 из 15, то есть 40%) и галльской (13 из 32, то есть 41%) к лигурийской расе (6 из 9, то есть 66%), где они также достигают своего максимума.

В преступлениях против собственности первое место занимает бельгийская раса (самая промышленная, дающая 67%, в то время как лигурийская и иберийская дают 60 и 61%, а кимврийская и галльская еще меньше — 30 и 39%).

Преобладающее влияние лигурийской и галльской рас зависит от их большей решительности и подвижности, как мы это уже видели в моем «Политическом преступлении».

Лигурийская раса дала во Франции максимум вожаков восстаний и революций (100%) и в то же время максимум гениальных людей — 66%, в то время как галльская дала первых 82% и вторых 19%, бельгийская — 62 и 33%, кимврийская — 38 и 5% и, наконец, иберийская — максимум 14 и 5%.

7. Долихоцефалия и брахицефалия. Желая получить более точные данные о влиянии расы на преступность, мы занялись определением отношения, существующего между последней, головным указателем (индексом) и цветом волос.

Изучая преступность по таблицам Ливи, мы убедились, что в 21 провинции Италии, где преобладает долихоцефалия с указателем (от 77 до 80 включительно), средняя цифра убийств и увечий равна 31%, между тем как общая средняя для всей Италии не превышает 17; таким образом, во всех этих провинциях с долихоцефалическим населением, кроме Лукки и Лечче, пропорция убийств превосходит среднюю для них цифру.

Провинции с преобладанием мезоцефалии (81–82) пропорционально уступают в количестве убийств долихоцефалическим и имеют среднюю в 25%.

Наконец, там, где превалирует брахицефалия (83–88), средняя цифра убийств и ран достигает всего 8%, значительно уступая, таким образом, общей средней для всей Италии.

При этом мы должны заметить, что долихоцефалия встречается преимущественно в южных провинциях, кроме Лукки, представляющей собой исключение в смысле соответствия

между ней и интенсивностью преступлений, что брахицефалия преобладает, кроме Абруццо, в верхней Италии, ультрабрахицефалия — в гористых местностях, в которых наблюдается значительно меньший контингент кровавых преступлений и, наконец, мезоцефалия встречается повсюду, особенно в Южной Италии и в наиболее теплых северных местностях, как Ливорно, Генуя, так что нельзя не признать, что здесь этнический фактор сливается с влиянием климата.

Во Франции преступления против личности дают среднюю в 18 на каждые 100 тысяч жителей у брахицефалов и в 36 — у долихоцефалов, считая в том числе и Корсику; без нее цифра эта остается одинаковой — 24 для одних и других, соответствуя, таким образом, нормальной средней, колеблющейся между 24 и 33 на 100 тысяч жителей. Придерживаясь цифр Ферри за период с 1880 по 1884 год, мы получим в этом отношении меньшую разницу между долихоцефалами и брахицефалами, а именно кровавые преступления составляют 13 на 100 тысяч (без Корсики) у первых и 29 — у вторых.

Таким образом, мы видим, что на кровавые преступления больше влияет климат, нежели раса, ибо в Италии, где долихоцефалы сгруппированы почти исключительно в южных провинциях, они, несмотря на это, значительно превосходят брахицефалов.

Относительно Франции, напротив, где долихоцефалия одинаково часто встречается как на юге и севере (Па-де-Кале, Эна, Нор), так и в центре (Верхняя Вьенна, Шаранта), к подобным выводам прийти нельзя, так как здесь у долихоцефалов наблюдается даже меньшая частота этого рода преступлений. Что касается преступлений против собственности во Франции, то разница между долихоцефалами и брахицефалами становится более ощутимой: у первых наблюдается 44 случая на 100 тысяч жителей, а у вторых — только 23.

В общем, преступность, стало быть, все-таки всегда выше в тех провинциях, где преобладает долихоцефалия.

Однако этот факт противоречит тому взгляду антропологии преступления, по которому преступники оказываются почти всегда ультрабрахицефалами и который доказывает, что край-

няя брахицефалия является у преступников выдающимся признаком вырождения.

8. Русые и темные волосы. По цвету волос преступники во Франции распределяются следующим образом: в департаментах, где преобладают брюнеты, убийцы составляют 12,6%, считая в том числе и Корсику, а без нее 9,2%, между тем как среди блондинов пропорция достигает всего лишь 6,3%.

Темный цвет волос преобладает преимущественно в теплых департаментах, таких как Вандея, Эро, Вар, Жер, Ланды, Корсика, Устье Роны, Нижние Альпы, Жиронда и др., где, конечно, не может быть исключено и влияние климата. С другой стороны, светлый цвет волос встречается преимущественно в местностях с холодным климатом (исключая департамент Воклюз), как департаменты Па-де-Кале, Нор, Арденны, Манш, Эро и Луара, в которых, соответственно этому, наблюдается и меньше кровавых преступлений.

В Италии пропорция блондинов в южной части ее и на островах меньше средней цифры их во всем государстве, в Беневенто — равна ей, а в провинциях Апулия, Неаполь, Кампания, Трапани и восточной части Сицилии немного уступает ей. Соответственно этому во всей Южной Италии наблюдается в среднем меньше кровавых преступлений, чем в остальных частях, а в Беневенто, хотя число их и велико, доходит до 27,1%, но все же меньше, чем в соседних провинциях. То же следует сказать и об Апулии, восточной части Сицилии, Сиракузах, Катании, в которых цифра преступности также сравнительно невелика (в Сиракузах 15, Катании 28, а в Лечче — даже 10).

В этих провинциях светлый цвет волос соответствует ломбардской (Беневенто) и греческой (Сицилия) расам, и соответственно этому здесь наблюдается и меньшая преступность.

С другой стороны, я не нашел никакого соответствия между преступлением и цветом волос населения в Перудже, где преобладают блондины, и в Форли, Центральной Италии, где встречаются преимущественно брюнеты.

Русое население, живущее у подножия Альп, находится в тесной связи с населением гор и подобно ему дает слабый про-

цент преступности, но причина этого чисто орографическая. Напротив, в Ливорно и Лукке, где население состоит почти исключительно из брюнетов, наблюдается полная зависимость между черным цветом волос и очень высокой преступностью, особенно по сравнению с соседней Тосканой. А так как цвет волос здесь встречается параллельно с резкой долихоцефалией, не объяснимой какой-нибудь орографической причиной, то это, мне кажется, может служить новым доказательством этнического влияния на кровавые преступления.

Что касается преступлений против собственности, то они не находятся ни в какой очевидной связи с цветом волос: так, например, Трирская провинция, где почти все население имеет светлый цвет волос, дает максимум преступности почти так же, как и Феррара, где население, напротив, состоит из одних брюнетов.

9. Евреи. Влияние расы на преступность выступает особенно резко при изучении евреев и цыган, но для каждой из этих наций в совершенно обратном смысле.

Относительно евреев статистика доказала, что среди них в общем наблюдается меньшая преступность, чем среди христианского населения. Факт этот тем более замечателен, что, согласно наиболее распространенным среди евреев профессиям, их должно сравнивать не с целым населением вообще, а с сословиями купцов и мелких ремесленников, которые дают, как мы это увидим ниже, как раз наиболее замечательные цифры преступности.

В Баварии один осужденный еврей приходится на 315 жителей, а 1 католик — на 265.

В Бадене на 100 осужденных христиан приходится 63,3 осужденных еврея.

В Ломбардии в течение 7 лет приходился 1 осужденный еврей на 2,568 жителя.

В 1855 году во всей Италии в тюрьмах содержалось всего 7 евреев — пять мужчин и две женщины — ничтожная пропорция сравнительно с преступным христианским населением. По исследованиям Серви, сделанным в 1869 году, оказалось, что из 17 800 евреев осужденных было всего 8 человек.

В Пруссии Хаузнер также нашел разницу между преступностью христиан и евреев, причем по его расчету у первых 1 осужденный приходится на 2600, а у вторых — на 2800 жителей.

В 1854 году насчитывалось в ней 166 преступных евреев, в 1855 — 118, в 1856 — 163, в 1858 — 142, в 1860 — 123 и в 1861 — 118; то есть в последние годы замечается возрастание преступности среди евреев.

В Австрии число осужденных евреев достигло 3,74% в 1872 и 4,13 — в 1873 году.

Факт специфической преступности евреев твердо установлен. Среди них, как и среди цыган, преобладают наследственные формы преступности, и во Франции известны целые поколения мошенников и воров среди Церфбееров, Саломонов, Леви, Блюмов и Кляйнов. Между евреями редки убийцы, но те из них, которые были осуждены за это преступление, являлись начальниками хорошо организованных банд, как Графт, Церфбеер, Мейер, Дешам, содержавшими для своих надобностей агентов, ведшими приходно-расходные книги и действовавшими с такой ловкостью и осторожностью, что в течение многих лет ускользали из рук правосудия. Большинство преступников-евреев во Франции занимается разного рода мелкими мошенничествами, кражами или коммерческими надувательствами.

В Пруссии среди евреев больше всего осужденных за мошенничество, клевету, банкротство и укрывательство преступления, которое очень часто остается безнаказанным. Этим, между прочим, объясняется частота еврейских слов в воровских жаргонах Пруссии и Англии, так как вор считает своего укрывателя своим начальником и руководителем и очень легко усваивает себе его язык.

Всякое более или менее крупное предприятие знаменитой шайки Магуйеза (Грома) подготавливалось *kochener*, утайщиком-евреем. Одно время «почти все начальники крупных шаек во Франции имели любовниц-евреек». Евреев побуждают браться за эти преступления, равно как и за ростовщичество, следующие мотивы: жадность к золоту, отчаяние и невозможность получить какую-нибудь службу или вспомоществование;

преступлениями они реагируют на преследования своих более сильных врагов, которые часто заставляли их даже стать соучастниками преступления, если они не желают сделаться их жертвами. Поэтому нельзя было бы удивляться, если преступность среди них была даже большей, чем у других народов, причем нужно отметить, что там, где евреи начинают пользоваться общими правами, специфичность их преступности заметно ослабляется и исчезает.

Отсюда опять ясно, как трудно приходиться к каким бы то ни было заключениям в моральных вопросах, основываясь на одних только цифрах.

Если, с одной стороны, доказана меньшая преступность евреев сравнительно с другими нациями, то, с другой — не подлежит также сомнению огромная частота среди них психических заболеваний.

Но здесь дело сводится не столько к особенностям их расы, сколько к умственному переутомлению, так как среди других семитов (арабов, бедуинов и т. п.) умопомешательство, напротив, встречается чрезвычайно редко.

10. Цыгане. Совершенно другое следует сказать о цыганах, которые могут служить олицетворением преступной расы с ее страстями и порочными наклонностями.

Они, говорит про цыган Грелман, питают ужас ко всему, что требует малейшего усилия, и готовы лучше переносить голод и нищету, чем взяться хотя бы за легчайший труд; вообще же они работают лишь столько, чтобы не умереть с голоду. Они клятвенно-преступны даже в отношении друг к другу, неблагодарны, злы и жестоки.

В австрийской армии они составляют зло. Они в высшей степени мстительны. С целью разграбить Лограно они отравили фонтаны Драо и, полагая, что все жители умерли, ворвались туда огромной толпой; жители же спаслись только благодаря тому, что один из них обнаружил этот замысел. Во время гнева цыгане швыряют своих детей в голову своим врагам. Они тщеславны, как преступники, совершенно равнодушны к позору и стыду. Все деньги свои они тратят на спиртные напитки и украшения, так что нередко их можно видеть босых, но в одежде,

расшитой галунами и самых ярких цветов, без чулок, но в желтых сапогах.

Они предусмотрительны, как дикари или преступники, суеверны и считают величайшей мерзостью съесть угря или ящерицу, несмотря на то что едят почти гниющую мертвечину.

Они любят устраивать оргии и вообще производить страшный шум во время своих перекочевков. Они без угрызения совести убивают и грабят. Некогда их обвиняли даже в каннибализме.

Особенной ловкостью в воровстве отличаются их женщины, которые обучают ему своих детей с самого раннего детства. Они отравляют скот при помощи известных ядов с целью потом прославиться излечением его или скупить мясо за бесценок. В Турции цыганки занимаются преимущественно проституцией. Вообще же цыгане живут главным образом мошенничеством, сбытом фальшивых монет и продажей порченных лошадей под видом здоровых и хороших. Если слово «еврей» обозначало некогда в Италии ростовщика, то в Испании слово *gitano* равносильно мошеннику и барышнику.

В каком бы положении цыган ни находился, он сохраняет всегда свое обычное равнодушие; он нисколько не заботится о будущем и со дня на день живет с абсолютной неподвижностью мысли, относясь ко всему совершенно индифферентно.

«Для этой странной нации, — говорит Колоччи, — власти, законы и постановления суть вещи несносные. Для них одинаково противно приказывать, как и повиноваться: одно и другое одинаково тяжело для них. Цыгану также чуждо понятие “иметь”, как и “быть должным”; ему незнакомы последовательность и предусмотрительность, связь прошедшего с будущим». «Когда они хотят уйти куда-нибудь, — писал про цыган Пешон де Руби в XVI столетии, — они направляются в сторону, противоположную той, куда им лежит путь, и, сделав с полверсты, возвращаются обратно».

В заключение заметим, что эта раса, стоящая на такой низкой ступени умственного и нравственного развития, совершенно неспособная к какой бы то ни было гражданственности и промышленности, не перешагнувшая в области поэзии самой

жалкой лирики, создала в Венгрии новый род музыки, служащий доказательством того, что неофилия* и гениальность могут у преступников часто примешиваться к атавизму.

Глава 4

Цивилизация и варварство. — Скученность населения. — Новые преступления

1. Цивилизация и варварство. Среди множества социальных проблем есть одна, верное и точное разрешение которой особенно важно: мы говорим о влиянии цивилизации на преступления и психические заболевания.

Если мы будем придерживаться исключительно цифр, то придем к заключению, что во всех европейских странах замечается постоянное увеличение преступлений и душевных болезней, непропорциональное, впрочем, росту населения.

Во Франции за время с 1826 по 1837 год обвиняемые составляли 1 на 100 жителей, а в 1868 году они увеличились до 1 на 55. С 1825 по 1838 год число осужденных (не считая политических преступников и нарушителей фискальных законов) возросло с 57 470 до 80 920. В 1838 году оно поднялось уже с 237 до 375 на каждые 100 тысяч жителей; в 1847 году — до 480; в 1854–1866 годах оно упало до 389, чтобы опять увеличиться в 1874 году до 517 и в 1889 году до 552. Таким образом, пропорция осужденных увеличилась во Франции в течение 50 лет на 133%.

Но Месседаля совершенно справедливо указывает на неизбежность ошибок там, где на основании одних только цифр решаются сложные проблемы, в которых одновременно участвуют многие факторы.

Огромная, постоянно возрастающая цифра преступлений и психических заболеваний настоящего времени, быть может, объясняется, с одной стороны, переменами в гражданских и уголовных законах и большей активностью полиции, а с дру-

* Неофилия — навязчивое влечение к новому, непривычному.

гой — значительным распространением специальных убежищ для душевнобольных.

Теперь уже не подлежит сомнению, что цивилизация, как и варварство, создает особого рода специфическую преступность. У дикарей отсутствует всякое нравственное чувство, и благодаря этому убийство не внушает им никакого ужаса. У многих из них оно, напротив, считается даже геройским подвигом. Варварство признает месть долгом, а силу — правом, что способствует умножению кровавых преступлений и развитию религиозных маний, демономаний и умопомешательств в силу подражания. Но варварству же, с другой стороны, свойственны и более крепкие семейные узы, более слабый половой инстинкт и отсутствие чувства тщеславия, благодаря чему среди дикарей реже наблюдаются такие преступления, как отцеубийство, детоубийство и кражи.

По словам Ферреро, человек выработал до настоящего времени два типа цивилизации: один с характером насилия, а другой — обмана и хитрости. Оба этих типа цивилизации коренным образом отличаются один от другого по форме, в какой выражается при каждой из них борьба за существование. В первобытной цивилизации с характером насилия борьба за жизнь ведется исключительно при помощи грубой физической силы: политическое могущество и богатство создаются при ней с помощью оружия за счет соседних чужеземных народов или же более слабых сограждан; торговая конкуренция совершается преимущественно при помощи армий и флота, то есть путем насильственного удаления противников с тех рынков, эксплуатацией которых желательно завладеть; споры и недоразумения разрешаются при помощи поединков.

При цивилизации с характером обмана борьба за существование совершается, напротив, при помощи хитрости, и споры разрешаются в судах при помощи состязаний адвокатов; политическое могущество достигается не оружием, а золотом; деньги переводятся из одного кармана в другой путем разного рода надувательств, называемых биржевой игрой; торговая война ведется при помощи усовершенствованных производств и фальсификаций,

Примерами цивилизации первого типа служат или, вернее, служили Корсика, отчасти Сардиния, Черногория, итальянские города в Средние века и все вообще примитивные страны.

Примерами второго типа цивилизации являются все современные народы, у которых буржуазно-капиталистический режим достиг значительного развития.

Разница между обоими типами цивилизации не так велика, как это кажется в теории, ибо в действительности у обществ часто наблюдается смесь черт, принадлежащих им обоим.

Подобно этому мы наблюдаем также и двоякого вида преступность, так как патология и в социальном отношении следует по тому же пути, что и физиология.

Мы различаем именно атавистические преступления, грубейшими примерами которых являются убийство, воровство и изнасилование, и эволюционные, отличающиеся от предыдущих более тонкими приемами, основанными не на силе, а на хитрости.

Преступлениям первого вида подвержено небольшое число лиц, роковым образом предрасположенных к ним, а преступления второго типа мы наблюдаем у всех тех, кто не обладает достаточно уравновешенным характером, чтобы противостоять окружающим вредным влияниям.

Сигеле справедливо замечает, что оба вида преступности наблюдаются очень интенсивно в массовых преступлениях низших и высших классов населения.

Эволюционная форма преступности покоится на деятельности ума точно так же, как атавистическая — на работе мускулов.

В современной Италии мы находим достаточно примеров обоих видов преступности: в Сицилии, например, очень часты морские разбои, а в Риме — банковские скандалы и преступления против нравственности, наблюдаемые у высших классов общества.

Следующим примером атавистической преступности может служить Романья. Последние годы здесь наблюдалось гораздо больше преступлений против личности, чем в других местностях Италии. Как доказал Габелли, объяснялось это пре-

имущественно традициями старинной безнаказанности и той нравственной атмосферой, которая создалась благодаря ей.

Несколько лет тому назад редко можно было встретить здесь девушку, которая согласилась бы выйти замуж за человека, ни разу не пустившего в ход ножа.

Пани Росси часто слышал, как в Базиликате матери называют своих сыновей маленькими разбойниками.

«Слово *malandrino*, — говорит он, — теряет в Сицилии всякое позорное значение и становится эпитетом, выражающим похвалу, которым всякий здесь гордится. *Lo sono malandrino* означает у них человека, который никого и ничего не боится, даже правосудия».

Еще более ярким примером подобной же преступности является Корсика, где причины ее кроются в социально-исторических условиях этой страны.

«Частота убийств на Корсике вследствие мести, — пишет Бурне, — известна всему миру, но вряд ли кто знает, до каких размеров здесь обыкновенно дело доходит. Роччино убил, положим, собаку Тофани, и следствием этого может явиться 11 убийств в обоих этих семействах. В 1886 году здесь было 135 покушений на жизнь, то есть одно подобное преступление приходилось на 200 душ населения, что в четыре раза превышает соответствующие цифры в Сенском департаменте во Франции. Из этих 135 покушений 52 явились последствием ссор и драк. В этой же стране невозможно заставить говорить свидетеля на суде. В Палермо 60 лиц присутствовали однажды при одном убийстве, а на суде все они под присягой показывали, что ничего не видели».

Согласно отчетам жандармерии Бурде считает число бандитов на Корсике равным 5–6 тысячам.

«Корсиканцы, — говорит он, — отличаются гордостью: они презирают всякий физический труд, обращают более внимания на ум, чем на нравственность, и со своеобразной точки зрения смотрят на счастье и совесть людскую.

Организация их очень напоминает устройство древних римских патрициев: 15 или 20 семейств заправляют здесь всеми остальными и делают все, что им угодно.

Здесь всякий, отказывающийся поддержать члена своей семьи, рискует своей жизнью. На этом острове находятся в вечной борьбе два принципа: один, новый — признание абсолютного права и справедливости, а другой, старый — слепая преданность своей фамилии и невозможность подняться выше узких семейных интересов. К сожалению, второй принцип почти всегда побеждает, что особенно резко выступает при отчуждениях земельных участков при постройке железных дорог».

«Суд, — читаем мы далее у Бурде, — под председательством Касабьянки, главы одной наиболее могущественной на Корсике партии, судит, например, таким образом: некоему Бенедетти за отчуждение его участка в 16,96 ара он назначает всего 2 тысячи франков, а какой-то Виргитти за участок в 18,90 ара выдает 13 тысяч франков. Подобные несправедливости кажутся здесь вполне естественными».

«Во всей Франции было в 1885 году констатировано 45 523 аграрных преступления, а в одной Корсике их было за это время 13 405, то есть почти треть».

С одной стороны, прогресс цивилизации, увеличивающей до бесконечности потребности и желания современного человека, а с другой — накопление богатств, дающих возможность удовлетворять возбужденные чувства, ведут к тому, что число душевнобольных, алкоголиков и паралитиков (в Бисетре паралитиков было в 1818–1819 годах всего 9 чел., а в 1848–1849 годах) в убежищах, равно как количество преступников против собственности и нравственности в тюрьмах, постоянно растет и увеличивается. Статистика неоспоримо доказывает, что число преступлений, совершаемых в крупных центрах людьми культурных классов населения, в настоящее время заметно возрастает.

Сигеле доказал, что преступность, наблюдаемая у масс, отличается в настоящее время именно вышеуказанным характером.

Является вопрос, почему среди зажиточных классов населения преобладает тип преступности в виде обмана, а среди бедных — в виде грубого насилия?

Ответ на этот вопрос прост: состоятельные классы населения отвечают духу времени, в то время как низшие по сво-

им чувствам и мыслям живут еще отдаленным прошлым. Весьма естественно поэтому, что первые должны уйти вперед и в своей массовой преступности, в то время как вторые отстают в этом отношении и в силу атавизма приближаются более к первобытным дикарям.

Бажео писал: «Чтобы убедиться, что инстинкты массы грубеют по мере того, как спускаются все ниже и ниже по общественной лестнице, вовсе не нужно отправляться к дикарям: для того достаточно поговорить с английским простонародьем или с нашей прислугой».

Итак, цивилизация изменяет характер преступлений, обуславливая увеличение их. Факт этот вряд ли может в настоящее время подлежать сомнению, хотя и нелегко мириться с ним.

2. Скученность населения. К только что приведенным нами причинам, влияющим на увеличение числа преступлений, принадлежат еще и другие.

Цивилизация благодаря железным дорогам, развитию промышленности и бюрократии способствует, как известно, появлению крупных центров с огромным населением. Именно в этих центрах скапливается всегда больше всего так называемых привычных преступников, которые находят в них наилучшие условия для своей преступной деятельности и которым легче скрываться здесь от бдительного ока правосудия.

«Человеку, — говорит Бертильон, — свойственна особая, довольно сильная склонность воспроизводить в области чувств и поступков именно то, что он видит вокруг себя. Благодаря некоторым условиям склонность эта может до того усиливаться, что воздух как бы насыщается действующими началами тех или других мыслей и поступков, влияющих на людей и заражающих их в известном смысле. Среди лошадей, собранных вместе в больших количествах, часто наблюдается, как известно, склонность к развитию содомии».

Вышеприведенная причина наряду с хорошим и обильным питанием и известным параллелизмом, существующим между развитием половых органов и центральной нервной системы, объясняет нам отчасти значительное увеличение преступлений против нравственности, характерных для настоящего вре-

мени, и огромное распространение, особенно в крупных центрах, проституции. В этих же условиях кроются и причины более сильной преступности, наблюдаемой в цивилизованных странах у женщин, толкаемых на путь преступления преимущественно ложным стыдом их бедности, жадностью к роскоши и почти мужским воспитанием, дающим им, в силу их занятий, возможность совершать такие преступления, как подлоги, мошенничества и т. п.

Помимо этого цивилизация влияет на увеличение количества преступлений, повышая число душевных заболеваний, алкоголиков и усиливая употребление возбуждающих средств, почти совершенно неизвестных в некультурных странах и ставших насущной потребностью человека цивилизованного общества.

Возьмем для примера статистику Соединенных Штатов Северной Америки, страны наиболее далеко ушедшей по уровню культуры, и мы увидим, что число душевнобольных в 1850 году достигало в них 15 610, в 1870 — 20 042, в 1880 — 37 432 и в 1890 — 91 970, между тем как население с 23 191 876 в 1850 году возросло до 50 155 788 в 1890 году, то есть увеличилось за 40 лет вдвое, а число душевнобольных почти вшестеро. Мало того, в самые последние годы население, согласно той же статистике, возросло на 30%, а число психических заболеваний — на 155%. В Англии и Уэльсе душевные болезни в 1859 году составляли 18,6 на 10 тысяч жителей, в 1885 — 28,9 на 20 тысяч и в 1893 году — 30,0 на тысячу. В Италии в 1874 году считался 51 душевнобольной на 100 тысяч населения, в 1877 — 54,1; в 1880 — 61,25; в 1883 — 67,7; в 1885 — 66,0 и в 1886 — 74,0. Во Франции душевнобольные составляли 131,1 на 100 тысяч населения в 1883 году, 133,0 в 1884 году и 136,0 в 1888 году. В Шотландии и Ирландии, по статистике Легуая, наблюдается 2,6 психически больных на тысячу жителей, в Скандинавии — 3,4, в Соединенных Штатах — 3,3, в Голландии — 5,9 в 1856 году; 6,4 — в 1860 году и 7,5 — в 1863 году.

В Англии и Америке кроме алкоголя и табака в последнее время распространилось употребление опиума и эфира. Во Франции за период с 1840 по 1870 год среднее употребление водки возросло с 8 до 30 литров в год на каждого человека.

После всего сказанного нам еще более понятно станет и без цифр, каким образом должна влиять на увеличение преступлений скученность в тюрьмах, в которых, по словам самих заключенных, величайшая испорченность окружается ореолом славы, а добродетель считается стыдом. Цивилизация, способствующая умножению крупных тюремных центров, дает тем самым особенное напряжение преступности, особенно когда она связывает с ней благотворительные и филантропические учреждения (школы, патронаты). Современная система наказаний ни в коем случае не может влиять на исправление закоренелого преступника.

Наши исправительные заведения, возникающие благодаря истинно гуманным чувствам человеколюбия, оказывают на самом деле вследствие одного только скопления в них испорченных и негодных индивидов совершенно другое действие, обратное той цели, для которой они созданы. Припомним здесь, кстати, что знаменитый Оливекрона приписывает значительное число рецидивистов-преступников в Швеции недостаткам ее тюремной системы и в высшей степени вредному обычаю подвергать молодых заключенных такой же строгой дисциплине, что и взрослых.

3. Новые преступления. Цивилизация чуть ли не ежедневно создает новые преступления, быть может, менее ужасные, чем прежние, но столь же, если не более, вредные. Укажем несколько примеров. В последнее время распространились убийства с целью воспользоваться суммой, на какую была застрахована жизнь убитого.

Далее, картина отравления мышьяковистой кислотой, похожая на холерные припадки, навела на мысль во время холерной эпидемии отравлять людей, предварительно застраховав их жизнь.

В Вене недавно был открыт особый вид мошенничества, состоящий в том, что некоторые лица выписывали на имя разных несуществующих обществ всевозможные товары и затем сбывали их.

Повторяем, цивилизация, ослабляя семейные узы, увеличивает не только число бесприютных и беспризорных детей, кан-

дидатов в преступники, но также и количество изнасилований и детоубийств.

Тем не менее, мы не в праве осуждать ее за это. Она является, правда, источником известных преступлений, но в то же время совершенно изменяет их характер. Это раз. С другой стороны, там, где цивилизация достигает своего апогея, она вместе с тем находит средства залечивать те раны, которые сама наносит, создавая убежища для душевнобольных, рабочие дома, сберегательные кассы при почтовых учреждениях и попечительные общества о покинутых и беспризорных детях, которые без этого становятся преступниками чуть ли не с колыбели.

Глава 5

*Плотность населения. — Иммиграция. — Эмиграция. —
Рождаемость. — Городское и деревенское население*

1. Плотность населения. Влияние цивилизации на преступность выступает еще резче при изучении других факторов и особенно плотности населения, ибо история показывает, что в зависимости от нее преступность меняется.

Проституция, воровство и телесные повреждения, как справедливо замечают Реклю и Вестермарк, редко наблюдаются у примитивных обществ, как, например, у веддов, которые собираются вместе только в периоды дождей, или у некоторых австралийских племен, живущих отдельными семьями и сходящихся только во время жатвы. Точно так же и у животных редко наблюдается эквивалент преступности, если их не собрано много в одном месте, ибо при этом не могут проявляться с надлежащей силой их животные инстинкты. По мере развития городской жизни появляются те или другие преступления, до этого пребывавшие как бы в недейтельном, скрытом состоянии. Чем менее плотно и густо население какой-нибудь местности, тем относительно реже наблюдаются среди него преступления, которые растут по мере его развития и достигают бесконечного разнообразия в современном обществе.

Достаточно бросить беглый взгляд на преступления против собственности и на убийства, для того чтобы убедиться, что, оставляя в стороне колебания их в зависимости от климата, число краж резко увеличивается, а убийств уменьшается по мере увеличения плотности населения.

Влияние плотности населения еще резче сказывается в Италии, особенно если рассматривать каждое преступление в отдельности в зависимости от плотности населения. Так, мы находим в ней:

Число на 1 кв. км	Убийства	Кражи	Сопр.	Изнасилования	Мошенничество
От 20 до 50	11	199	23,7	18,8	52,6
От 50 до 100	6,03	144,4	25,4	16,4	45,0
От 100 до 150	6,0	148	23,5	14,5	58,5
От 150 до 200	5,1	153	24,6	12,3	54,6
От 200 и выше	3,5	158	29,5	18,7	50,4

Итак, мы видим, что убийства уменьшаются в крупных центрах по мере увеличения плотности их населения (например, в Милане, Неаполе, Ливорно и Генуе, несмотря на все разнообразие их населения и климата) и, напротив, более или менее правильно возрастают по мере уменьшения ее, особенно в жарких странах и на островах, где цивилизация находится, в общем, на очень низком уровне развития.

Напротив, число краж, изнасилований и сопротивлений властям возрастает по мере увеличения плотности населения, что особенно бросается в глаза в больших густонаселенных центрах.

Мошенничества неестественно колеблются почти всегда в обратном отношении к плотности населения, что объясняется среди прочего этническим влиянием, как, например, в провинциях Форли и Болонья, преступность которых давно уже вошла — как известно — в поговорку. Еще Данте сказал:

Не первый я болонец плачу тут;
Их понабилась здесь такая кипа...